12+

Идрисов Родион

НЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫСТУПЛЕНИЯ АДВОКАТА В СУДЕ ПприсяжНЫХ

Язык, мышление, эмоции и искусство убеждения

ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКА СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ

ПСИХОЛОГИЯ ВОСПРИЯТИЯ | ЭФФЕКТИВНЫЙ ЯЗЫК | УПРАВЛЕНИЕ ЭМОЦИЯМИ | СТРАТЕГИИ ЗАЩИТЫ | ПРАКТИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ

Идрисов Родион

Нейролингвистические особенности выступления адвоката в суде присяжных

https://litres.ru/74589487
ISBN 9785007141369

Аннотация

Практическое пособие для практикующих адвокатов. Будет полезной в целях повышения как профессиональной квалификации, так и личностного роста.

Содержание

НЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫСТУПЛЕНИЯ АДВОКАТА В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ 5
Научно-практическая монография 6
ГЛАВА 1. СУД ПРИСЯЖНЫХ КАК ОСОБАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ СРЕДА 7
ГЛАВА 2. ВНИМАНИЕ И КОГНИТИВНАЯ НАГРУЗКА В СУДЕБНОЙ РЕЧИ 19
ГЛАВА 3. ПАМЯТЬ И СУДЕБНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ 30
ГЛАВА 4. ФАКТ, СВИДЕТЕЛЬСТВО И ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ: ЯЗЫК ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ 41
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Нейролингвистические особенности выступления адвоката в суде присяжных

Идрисов Рашидович Родион

© Идрисов Рашидович Родион, 2026

ISBN 978-5-0071-4136-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫСТУПЛЕНИЯ АДВОКАТА В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ

Научно-практическая монография

ГЛАВА 1. СУД ПРИСЯЖНЫХ КАК ОСОБАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ СРЕДА

1.1. Постановка научной проблемы

Суд присяжных представляет собой особую разновидность институциональной коммуникации, в которой юридически значимая информация передается адресатам, не являющимся профессиональными юристами, но наделенным полномочием принимать решение по фактическим вопросам уголовного дела.

Это обстоятельство принципиально меняет требования к речи адвоката.

В профессиональной юридической коммуникации предполагается наличие у адресата определенного запаса специальных знаний: понимания категорий доказательства, допустимости, причинной связи, субъективной стороны преступления, процессуальных последствий и т. д. В коммуникации с присяжными эта предпосылка существенно ограничена.

Следовательно, судебная речь адвоката должна одновременно удовлетворять двум требованиям:

— сохранять юридическую точность;

— обеспечивать когнитивную доступность сообщения для непрофессионального адресата.

Эта проблема имеет не только риторическое, но и когнитивное измерение.

Присяжному необходимо реконструировать событие прошлого по фрагментарным сведениям, полученным в течение судебного процесса. Он должен сопоставлять свидетельские показания, документы, вещественные доказательства, экспертные заключения и аргументы сторон. Дэн Саймон характеризует реконструкцию уголовного события в суде как сложную когнитивную задачу, осложненную неполнотой доказательственного материала, сложностью некоторых видов доказательств и требованиями, предъявляемыми к фактическому установлению обстоятельств дела. [1]

Таким образом, судебная речь адвоката является не просто средством передачи информации. Она выступает **организатором когнитивной обработки доказательственного материала**.

1.2. Правовая специфика российского суда присяжных

Российская модель суда присяжных создает для адвоката особую коммуникативную ситуацию.

В соответствии со ст. 334 УПК РФ присяжные заседатели разрешают вопросы, относящиеся к фактической стороне обвинения, тогда как председательствующий судья разрешает юридические вопросы, связанные с применением уголовного закона и иными правовыми последствиями вердикта.

Это разграничение имеет непосредственное отношение к структуре адвокатской речи.

Адвокат не должен превращать обращение к присяжным в лекцию по уголовному праву. В центре его выступления должны находиться те обстоятельства, которые входят в предмет решения присяжных.

Особенно показательна ст. 335 УПК РФ. Закон устанавливает, что в присутствии присяжных исследуются фактические обстоятельства дела, доказанность которых устанавливается именно присяжными; одновременно ограничивается исследование сведений, способных сформировать предубеждение в отношении подсудимого.

Статья 336 УПК РФ дополнительно устанавливает пределы прений: стороны должны говорить лишь о вопросах, подлежащих разрешению присяжными, и не вправе обосновывать свою позицию недопустимыми либо не исследованными доказательствами.

Статья 339 УПК РФ определяет сами основные вопросы, на которые отвечает коллегия: имело ли место деяние, доказано ли, что его совершил подсудимый, и виновен ли он. Закон прямо требует, чтобы вопросы ставились в понятных присяжным формулировках.

Следовательно, требование понятности не является исключительно рекомендацией психолога или ритора. Оно встроено в саму процессуальную конструкцию суда присяжных.

1.3. Гипотезы исследования

В рамках настоящей главы выдвигаются следующие рабочие гипотезы.

Гипотеза 1

Чем точнее структура судебного выступления соответствует когнитивной задаче присяжного — установлению фактических обстоятельств и сравнению доказательственных объяснений, — тем выше вероятность правильного понимания позиции стороны.

Гипотеза 2

Разделение в речи адвоката трех уровней:

факт → интерпретация → вывод

способствует более контролируемой оценке доказательственного материала.

Гипотеза 3

Использование избыточного юридического метаязыка способно увеличивать когнитивные затраты присяжных без пропорционального увеличения доказательственной ценности сообщения.

Гипотеза 4

Риторическая эффективность защитительной речи должна оцениваться не по степени эмоционального воздействия как такового, а по способности речи обеспечить точную реконструкцию доказательственно значимых обстоятельств.

Последняя гипотеза является принципиально важной: она

отделяет научную судебную риторику от техники манипулятивного воздействия.

1.4. Присяжный как субъект реконструкции события

Классическая модель судебного слушания может создавать впечатление, будто присяжный последовательно «складывает» отдельные факты, подобно элементам математического уравнения.

Психологические исследования показывают более сложную картину.

В рамках Story Model Пеннингтона и Хасти присяжный рассматривается как субъект, который стремится построить осмысленное объяснение того, что произошло. В этой модели доказательства получают значение не изолированно, а в составе структуры, связывающей события во времени и причинно. [2; 3]

Экспериментальная работа Пеннингтона и Хасти 1992 г. показала, что изменение легкости построения объясняющей истории влияло на вердикт; при этом память на отдельные доказательства могла оставаться сопоставимой. Это важно: **знать доказательство и понимать его место в объяснении — не одно и то же**.

Следовательно, адвокат, который просто перечисляет доказательства, оставляет значительную часть когнитивной работы присяжному.

Адвокат, который показывает связи между доказательствами, предлагает модель интерпретации.

Однако это не означает, что адвокат вправе навязывать присяжному единственную «правильную историю». Его задача состоит в том, чтобы продемонстрировать:

— какие факты подтверждены;

— какие факты спорны;

— какие связи между фактами предполагаются;

— какие альтернативные объяснения существуют;

— какие переходы от факта к выводу требуют дополнительных предположений.

1.5. Коммуникативная асимметрия

В судебном процессе существует существенная асимметрия между говорящим и слушателем.

Адвокат:

— заранее знает материалы дела;

— многократно анализировал доказательства;

— знаком с юридической терминологией;

— знает, какое значение придает конкретному обстоятельству;

— понимает, какие аргументы будут использоваться оппонентом.

Присяжный получает эту информацию впервые и в условиях временной и когнитивной ограниченности.

Возникает феномен, который можно условно назвать

асимметрией экспертности.

Эксперт может не замечать сложности собственного сообщения именно потому, что его знания уже автоматизированы.

Для адвоката знакомая конструкция:

«С учетом совокупности взаимосвязанных доказательств, характеризующих субъективную сторону инкриминируемого деяния…»

может восприниматься как вполне естественная.

Для непрофессионального слушателя эта же конструкция требует расшифровки нескольких понятий.

Психолингвистическая теория обработки предложений исходит из того, что понимание речи требует временного удержания фрагментов сообщения и установления связей между ними. При усложнении структуры возрастает значение ограничений рабочей памяти, интерференции и времени обработки. [4]

Следовательно, коммуникативная доступность — не «упрощение права», а способ обеспечить сохранение юридического смысла в процессе восприятия.

Последнее исследование особенно важно для рассматриваемой темы. Severance и Loftus анализировали вопросы, которые задавали реальные совещавшиеся присяжные, выявляя источники непонимания инструкций. Затем авторы использовали знания психолингвистики для переработки проблемных формулировок; исследование показало воз-

можность улучшения понимания без отказа от юридической корректности.

1.6. Научная модель коммуникативно эффективного выступления

На основании рассмотренной литературы предлагается следующая модель:

доказательство

↓

понятное описание

↓

связь с вопросом дела

↓

альтернативная интерпретация

↓

проверка логического перехода

↓

вывод, относящийся к вопросу присяжных

Эта модель существенно отличается от традиционной риторической схемы «тезис — эмоциональное усиление — призыв».

1.7. Практическое следствие

Перед подготовкой речи адвокат должен сформулировать не только вопрос:

«Что я хочу сказать?»

но и:

«Что именно должен понять присяжный после этого фрагмента?»

Это две разные задачи.

Например:

Юридическая формулировка:

«Доказательства не позволяют сделать однозначный вывод о наличии у подсудимого умысла».

Когнитивно развернутая формулировка:

«Умысел — это не предположение. Для вывода о нем должны быть факты, из которых он следует. Какие именно факты говорят о том, что подсудимый заранее решил совершить это деяние? Материалы дела такого факта не показывают».

Вторая формулировка не обязательно «сильнее» с точки зрения риторики. Но она лучше раскрывает структуру рассуждения.

1.8. Ограничения

Нельзя автоматически переносить результаты американских исследований присяжных на российскую правовую систему.

Различаются:

— законодательство;

— порядок судебного разбирательства;

— формулировки вопросов;

— функции судьи;

— порядок прений;

— правила допустимости доказательств;

— особенности совещания присяжных.

Поэтому зарубежная психология права в настоящем исследовании используется преимущественно как **эмпирическая база для понимания когнитивных механизмов**, а не как готовая инструкция по российскому уголовному процессу.

Выводы главы 1

— Суд присяжных представляет собой особую коммуникативную систему.

— Присяжный решает прежде всего задачу фактической реконструкции события.

— Понимание доказательства зависит не только от его содержания, но и от его места в общей модели дела.

— Юридическая точность и коммуникативная доступность не являются противоположностями.

— Российское процессуальное законодательство прямо требует понятности вопросов, адресованных присяжным.

— Научно обоснованная судебная речь должна уменьшать ненужную когнитивную сложность, не упрощая доказательственный смысл.

Сноски к главе 1

[1] Simon D. On Juror Decision Making: An Empathic

Inquiry // Annual Review of Law and Social Science. 2019. Vol. 15. P. 415—435.

[2] Pennington N., Hastie R. A Cognitive Theory of Juror Decision Making: The Story Model // Cardozo Law Review. 1991. Vol. 13. P. 519—557.

[3] Pennington N., Hastie R. Explaining the Evidence: Tests of the Story Model for Juror Decision Making // Journal of Personality and Social Psychology. 1992. Vol. 62, №2. P. 189—206.

[4] Lewis R. L., Vasishth S., Van Dyke J. A. Computational Principles of Working Memory in Sentence Comprehension // Trends in Cognitive Sciences. 2006. Vol. 10, №10. P. 447—454.

Библиография к главе 1

— Pennington N., Hastie R. A Cognitive Theory of Juror Decision Making: The Story Model // Cardozo Law Review. 1991. Vol. 13. P. 519—557.

— Pennington N., Hastie R. Explaining the Evidence: Tests of the Story Model for Juror Decision Making // Journal of Personality and Social Psychology. 1992. Vol. 62, №2. P. 189—206. DOI: 10.1037/0022—3514.62.2.189.

— Simon D. On Juror Decision Making: An Empathic Inquiry // Annual Review of Law and Social Science. 2019. Vol. 15. P. 415—435. DOI: 10.1146/annurev-lawsocsci-101518-042658.

— Severance L. J., Loftus E. F. Improving the Ability of Jurors to Comprehend and Apply Criminal Jury Instructions //

Law & Society Review. 2024. Vol. 17. P. 153—197.

— Lewis R. L., Vasishth S., Van Dyke J. A. Computational Principles of Working Memory in Sentence Comprehension // Trends in Cognitive Sciences. 2006. Vol. 10, №10. P. 447—454. DOI: 10.1016/j. tics.2006.08.007.

— Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ. Разд. XII, гл. 42.

ГЛАВА 2. ВНИМАНИЕ И КОГНИТИВНАЯ НАГРУЗКА В СУДЕБНОЙ РЕЧИ

2.1. Научная проблема

Любое судебное выступление предполагает одновременную работу нескольких когнитивных процессов.

Присяжный должен:

— слышать речь;

— выделять значимую информацию;

— удерживать ранее сказанное;

— соотносить новое с предыдущим;

— понимать причинные связи;

— отличать факт от оценки;

— сохранять в памяти ключевые обстоятельства.

Поэтому судебная речь является нагрузочной задачей.

Особенно это заметно в многоэпизодных уголовных делах, где адвокат одновременно обсуждает временную последовательность событий, показания нескольких лиц, документы, экспертизы и противоречия.

Теория когнитивной нагрузки Джона Суэллера исходила из того, что когнитивные ресурсы при решении сложной задачи ограничены и распределение этих ресурсов влияет на эффективность обработки информации. [1]

Современные исследования, однако, требуют более осторожного использования этой теории. Рабочая память не сводится к фиксированной цифре элементов, а когнитивная нагрузка зависит от характера задачи, индивидуальных различий, предшествующих знаний и структуры материала. Современные обзоры подчеркивают необходимость различать емкость рабочей памяти и собственно нагрузку задачи.

2.2. Гипотезы

Гипотеза 1

Увеличение количества одновременно предъявляемых взаимозависимых элементов повышает когнитивные требования к адресату.

Гипотеза 2

Смысловая группировка материала способна облегчать обработку сложной информации.

Гипотеза 3

Юридически избыточные термины и синтаксически сложные конструкции увеличивают ненужную нагрузку.

Гипотеза 4

Оптимизация судебной речи должна осуществляться не путем механического сокращения информации, а путем устранения **лишней когнитивной работы**, не связанной с доказательственным анализом.

2.3. Рабочая память: от «магического числа» к функциональной модели

В популярной литературе часто встречается утверждение о том, что человек способен одновременно удерживать «7 ± 2» элементов.

Для научной монографии такая формула недостаточна.

Nelson Cowan предложил пересмотреть классическое представление Миллера и показал, что в ряде задач активный фокус внимания имеет значительно меньшую емкость — порядка нескольких элементов.

Но и эту величину нельзя превращать в универсальный закон судебной коммуникации.

Содержательный блок из пяти слов может быть одной единицей для эксперта и пятью независимыми единицами для новичка.

Например:

«Причинная связь».

Для юриста это может быть единый концептуальный блок.

Для человека без юридической подготовки это может требовать разъяснения:

«Мы должны установить не просто то, что два события произошли одно после другого. Нужно установить, что первое событие породило второе».

Таким образом, когнитивная сложность определяется не только количеством слов.

Она зависит от **структуры представления информа-**

ции.

2.4. Когнитивная нагрузка и судебная речь

В современной модели полезно различать:

— **необходимую сложность** — сложность самого предмета;

— **избыточную сложность** — сложность, созданную способом изложения;

— **полезную когнитивную работу** — операции, которые помогают понять и интегрировать материал.

Для адвоката это имеет практическое значение.

Если дело действительно сложное, адвокат не может сделать его простым.

Но он может сделать простым **путь к его пониманию**.

Например:

«В деле есть три временных момента: 18:00, 19:15 и 21:00. Каждый из них важен. Сейчас нас интересует только первый».

Это снижает количество конкурирующих элементов внимания.

Вместо:

«Если принимать во внимание совокупность сведений, содержащихся в показаниях свидетелей Петрова, Иванова и Сидорова, а также соотносить их с данными протокола осмотра места происшествия…»

можно сказать:

«Сначала — свидетель Петров. Затем — протокол осмотра. После этого — свидетель Иванов. И только потом мы сравним эти три источника».

Юридическое содержание остается прежним.

Когнитивная архитектура меняется.

2.5. Синтаксис как фактор нагрузки

Понимание предложения требует удержания его частей в рабочей памяти и установления отношений между ними. Lewis, Vasishth и Van Dyke связывают трудности понимания предложений с ограничениями внимания, интерференцией, затуханием активации и особенностями извлечения информации из памяти. [3]

Поэтому длинное предложение само по себе не обязательно плохо.

Проблема возникает тогда, когда в одном предложении объединяется слишком много логических операций.

Например:

«Если исходить из того, что свидетель, который, согласно материалам дела, находился в непосредственной близости от места происшествия, несмотря на то обстоятельство, что ранее он указывал на иное расстояние, все же мог наблюдать действия подсудимого, то…»

Здесь слушатель должен одновременно удерживать:

— положение свидетеля;

— прежнее показание;

— новое показание;

— возможность наблюдения;

— условие;

— основной вывод.

Для письменного текста подобная конструкция уже сложна.

Для устного восприятия она еще сложнее, поскольку слушатель не может мгновенно вернуться к началу предложения.

Научно обоснованная рекомендация:

один сложный логический переход — несколько коротких предложений.

2.6. «Когнитивные маяки»

Адвокат может снижать нагрузку посредством языковых маркеров:

— «первое»;

— «второе»;

— «главное»;

— «это важно потому, что…»;

— «теперь сравним»;

— «из этого следует только одно»;

— «а вот здесь возникает противоречие».

Такие маркеры выполняют функцию **ориентиров**.

Они не добавляют доказательств, но помогают организовать их обработку.

В когнитивном отношении они выполняют функцию управления последовательностью внимания.

Современная нейронаучная литература подтверждает, что когнитивная нагрузка может исследоваться не только субъективными шкалами, но и физиологическими и нейрофизиологическими методами. Однако наличие нейронного коррелята нагрузки еще не означает возможности предсказывать конкретный судебный выбор.

2.7. Чанкинг как принцип судебной речи

Смысловая группировка позволяет превращать множество элементов в несколько крупных блоков.

Например, вместо:

— время;
— расстояние;
— освещение;
— положение свидетеля;
— длительность наблюдения;
— направление взгляда;

адвокат может создать один блок:

«Условия наблюдения».

А затем внутри него:

— расстояние;
— освещение;
— длительность;
— положение.

Это не уменьшает количество доказательств.

Это меняет способ их организации.

Для судебной речи полезна иерархия:

уровень 1 — главный вопрос;

уровень 2 — 3—5 крупных аргументативных блоков;

уровень 3 — доказательства внутри каждого блока.

2.8. Ошибка чрезмерного упрощения

Научный подход не должен превращаться в культ коротких предложений.

Слишком сильное упрощение может:

— удалить важное условие;

— изменить юридический смысл;

— скрыть альтернативу;

— создать ложную определенность.

Например:

«Свидетель ошибся».

может быть недопустимым упрощением.

Научно и юридически аккуратнее:

«Материалы дела позволяют предположить, что свидетель мог ошибиться в идентификации».

Вторая формулировка длиннее, но она корректнее отражает эпистемический статус утверждения.

Поэтому критерий качества:

не краткость, а оптимальное соотношение точно-

сти и когнитивной доступности.

2.9. Практическая модель редактирования

Каждый фрагмент речи целесообразно проверять по пяти вопросам:

— Какова одна главная мысль?

— Сколько новых понятий появляется одновременно?

— Какие слова требуют специального знания?

— Есть ли ненужные синтаксические вложения?

— Можно ли разделить аргумент на последовательные операции?

Если ответ на пятый вопрос положительный, аргумент желательно разделить.

2.10. Ограничения научного переноса

Теория когнитивной нагрузки первоначально развивалась преимущественно в исследованиях обучения и решения задач, а не судебной риторики.

Поэтому утверждение:

«Длинная судебная речь обязательно снижает качество вердикта»

не имеет достаточного основания.

Корректнее:

«При сложной судебной информации необходимо учитывать ограниченность ресурсов внимания и рабочей памяти; конкретное влияние структуры речи на вердикт требует от-

дельной эмпирической проверки».

Это различие между **научным выводом** и **практической гипотезой** должно сохраняться на протяжении всей монографии.

Выводы главы 2

— Рабочая память является одним из ограничивающих механизмов обработки судебной речи.

— Ее нельзя описывать одной универсальной цифрой.

— Когнитивная нагрузка зависит от сложности задачи, структуры материала и знаний слушателя.

— Смысловая группировка способна облегчать обработку сложного материала.

— Синтаксическая сложность может увеличивать требования к рабочей памяти.

— Главная задача адвоката — уменьшать ненужную нагрузку, не устраняя необходимую сложность самого дела.

Сноски к главе 2

[1] Sweller J. Cognitive Load During Problem Solving: Effects on Learning // Cognitive Science. 1988. Vol. 12, №2. P. 257—285.

[2] Cowan N. The Magical Number 4 in Short-Term Memory: A Reconsideration of Mental Storage Capacity // Behavioral and Brain Sciences. 2001. Vol. 24, №1. P. 87—114.

[3] Lewis R. L., Vasishth S., Van Dyke J. A. Computational Principles of Working Memory in Sentence Comprehension //

Trends in Cognitive Sciences. 2006. Vol. 10, №10. P. 447—454.

Библиография к главе 2

— Cowan N. The Magical Number 4 in Short-Term Memory: A Reconsideration of Mental Storage Capacity // Behavioral and Brain Sciences. 2001. Vol. 24, №1. P. 87—114. DOI: 10.1017/S0140525X01003922.

— Lewis R. L., Vasishth S., Van Dyke J. A. Computational Principles of Working Memory in Sentence Comprehension // Trends in Cognitive Sciences. 2006. Vol. 10, №10. P. 447—454. DOI: 10.1016/j. tics.2006.08.007.

— Sweller J. Cognitive Load During Problem Solving: Effects on Learning // Cognitive Science. 1988. Vol. 12, №2. P. 257—285. DOI: 10.1207/s15516709cog1202_4.

— Le Cunff J. et al. Neurophysiological Measures and Correlates of Cognitive Load in Attention-Deficit/Hyperactivity Disorder, Autism Spectrum Disorder and Dyslexia: A Scoping Review and Research Recommendations // European Journal of Neuroscience. 2024.

ГЛАВА 3. ПАМЯТЬ И СУДЕБНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

3.1. Память как реконструкция

Одной из наиболее устойчивых ошибок бытового понимания памяти является представление о ней как о точной записи прошлого.

Современная когнитивная психология рассматривает память как активную систему, в которой информация кодируется, сохраняется, извлекается и может подвергаться изменениям.

Для суда это имеет принципиальное значение.

Свидетель сообщает не «файл события».

Он сообщает результат последующей реконструкции собственного опыта.

Следовательно, задача адвоката заключается не только в том, чтобы показать противоречие между показаниями свидетеля и другими доказательствами. Необходимо понимать механизм возникновения такого противоречия.

3.2. Гипотезы

Гипотеза 1

Присяжные оценивают доказательства не только по от-

дельным признакам надежности, но и в контексте общей объясняющей модели события.

Гипотеза 2

Повествовательная организация доказательств облегчает их интеграцию в общую модель, однако одновременно способна усиливать убедительность недостаточно обоснованной версии.

Гипотеза 3

Четкое разграничение фактических данных и связующей интерпретации снижает риск того, что повествовательная структура будет воспринята как самостоятельное доказательство.

3.3. Story Model

В 1991 г. Пеннингтон и Хасти предложили когнитивную модель принятия решений присяжным — Story Model.

Согласно модели, процесс включает три взаимосвязанных компонента:

— построение объясняющей истории из доказательств;

— представление возможных решений;

— сопоставление построенной истории с категориями решения.

Авторы исходили из представления о присяжном как о субъекте, который стремится придать доказательствам смысл.

В экспериментальной работе 1992 г. было обнаружено,

что легкость построения истории влияла на оценки вердикта. При этом память на отдельные доказательства не различалась соответствующим образом. Это особенно важно для судебной риторики: **когнитивная структура материала может влиять на решение независимо от простого количества запомненных фактов**.

3.4. Что именно дает повествовательная структура

Повествование выполняет как минимум четыре когнитивные функции.

Первая — временная

Оно отвечает:

Что было сначала?

Что произошло затем?

Вторая — причинная

Оно отвечает:

Почему это произошло?

Третья — агентная

Оно отвечает:

Кто что сделал?

Четвертая — объяснительная

Оно отвечает:

Как все эти обстоятельства связаны?

Именно поэтому сухой перечень доказательств часто проигрывает структурированной реконструкции.

Например:

«Свидетель А видел автомобиль. Свидетель Б слышал звук. На телефоне имеется сообщение. Камера зафиксировала автомобиль».

Это четыре факта. Но присяжному приходится самостоятельно установить их связь. Более структурированная форма: «Обвинение предлагает связать четыре обстоятельства. Но первое относится к времени, второе — к звуку, третье — к переписке, четвертое — к автомобилю. Ни одно из них само по себе не устанавливает присутствие подсудимого на месте. Теперь рассмотрим, существует ли доказательственный переход между этими фактами».

Здесь адвокат предлагает не готовую «историю», а **модель проверки истории**.

3.5. Нарратив не равен правде

Это фундаментальное ограничение.

История может быть:

— связной;

— последовательной;

— эмоционально убедительной;

— легко запоминаемой;

и при этом ложной.

Следовательно, связность не должна рассматриваться как доказательство истинности. Метааналитическое исследование Braddock и Dillard включило десятки исследований нар-

ративного убеждения и обнаружило положительные связи между воздействием нарратива и соответствующими убеждениями, отношениями, намерениями и поведением. Для убеждений авторы получили r =.17, для отношений r =.19, для намерений r =.17 и для поведения r =.23.

Эти величины нельзя переносить непосредственно на судебные вердикты. Но они демонстрируют важный общий принцип: нарративная организация информации способна влиять на убеждения.

Следовательно, адвокат должен использовать повествование ответственно.

3.6. Доказательственная история и художественная история

В настоящей книге предлагается различать два типа судебного повествования.

Художественно-эмоциональное

Его задача:

вызвать впечатление.

Доказательственно-аналитическое

Его задача:

показать, как факты связаны и где заканчивается доказательство.

Для научно обоснованной адвокатской речи предпочтительным является второй тип.

Его структура:

Факт А

↓

Факт В

↓

связь, предлагаемая обвинением

↓

доказательство связи

↓

альтернативное объяснение

↓

вывод

Такой подход позволяет избежать логической ошибки:

«Если история выглядит связной, значит она доказана».

3.7. Альтернативная история

Для защиты особенно важно не ограничиваться отрицанием версии обвинения.

Если адвокат говорит:

«Обвинение не доказало X»,

присяжный может внутренне продолжить:

«Но тогда что же произошло?»

Story Model позволяет предположить, что потребность в объясняющей модели является значимой частью процесса принятия решения. Следовательно, защитительная стратегия может включать **альтернативное объяснение**, но оно

не обязательно должно представлять собой полную реконструкцию события.

Адвокату достаточно показать:

«Для признания версии обвинения доказанной необходимо сделать три предположения. Есть ли доказательства этих предположений?» Это более безопасная форма альтернативного повествования.

3.8. Повествовательная структура защитительной речи

Предлагается следующая модель.

Уровень 1. Событие

Что утверждает обвинение?

Уровень 2. Доказательства

Какие факты подтверждены?

Уровень 3. Связи

Какие причинные или временные связи предлагаются?

Уровень 4. Пробелы

Какие связи не доказаны?

Уровень 5. Альтернатива

Какие иные объяснения совместимы с установленными

фактами?

Уровень 6. Вердикт

Какой вывод следует из существующего уровня доказанности?

3.9. Риск нарративного захвата

Можно предложить понятие **нарративного захвата** — ситуации, при которой первоначально предложенная история начинает определять интерпретацию последующих доказательств.

Например:

«Подсудимый заранее подготовился».

После этого любое нейтральное действие может быть интерпретировано как элемент подготовки. Опасность заключается в том, что рассказ начинает функционировать как фильтр.

Для защиты полезно применять **антиципативную декомпозицию**:

«Сейчас мы не должны спрашивать, подходит ли этот факт к истории обвинения. Сначала спросим: что этот факт доказывает сам по себе?»

3.10. Научно обоснованная формула повествования

Предлагается следующая формула:

История должна быть не заменой доказательствам,

а способом показать отношения между доказательствами.

3.11. Практическая модель

Вместо:

«Это дело — история трагической ошибки».

лучше:

«В деле есть установленный факт и вывод, который из него предлагает сделать обвинение. Между ними отсутствует доказательственный переход. Именно этот переход и является центральным вопросом».

Такая речь менее театральна, но более проверяема.

3.12. Ограничения

Story Model не следует понимать как доказанную универсальную теорию любого решения любого присяжного.

Она является одной из моделей юридического принятия решений.

Кроме того:

— разные люди могут строить разные истории;

— знания и предварительные установки влияют на интерпретацию;

— эмоциональные факторы способны менять оценку;

— групповое обсуждение может трансформировать первоначальные представления.

Следовательно, модель полезна прежде всего как **анали-**

тический инструмент, а не как алгоритм прогнозирования вердикта.

Выводы главы 3

— Память и принятие решений являются реконструктивными процессами.

— Присяжные могут организовывать доказательства в объясняющие истории.

— Повествовательная структура способна влиять на оценку материала.

— Связность истории не доказывает ее истинность.

— Защитительная речь должна показывать не только альтернативную историю, но и доказательственную структуру.

— Научно корректное судебное повествование должно постоянно отделять факт от интерпретации.

Сноски к главе 3

[1] Pennington N., Hastie R. A Cognitive Theory of Juror Decision Making: The Story Model // Cardozo Law Review. 1991. Vol. 13. P. 519—557.

[2] Pennington N., Hastie R. Explaining the Evidence: Tests of the Story Model for Juror Decision Making // Journal of Personality and Social Psychology. 1992. Vol. 62, №2. P. 189—206.

[3] Braddock K., Dillard J. P. Meta-Analytic Evidence for the Persuasive Effect of Narratives on Beliefs, Attitudes, Intentions, and Behaviors // Communication Monographs. 2016. Vol. 83,

№4. P. 446—467.

Библиография к главе 3

— Braddock K., Dillard J. P. Meta-Analytic Evidence for the Persuasive Effect of Narratives on Beliefs, Attitudes, Intentions, and Behaviors // Communication Monographs. 2016. Vol. 83, №4. P. 446—467. DOI: 10.1080/03637751.2015.1128555.

— Pennington N., Hastie R. A Cognitive Theory of Juror Decision Making: The Story Model // Cardozo Law Review. 1991. Vol. 13. P. 519—557.

— Pennington N., Hastie R. Explaining the Evidence: Tests of the Story Model for Juror Decision Making // Journal of Personality and Social Psychology. 1992. Vol. 62, №2. P. 189—206. DOI: 10.1037/0022—3514.62.2.189.

— Simon D. On Juror Decision Making: An Empathic Inquiry // Annual Review of Law and Social Science. 2019. Vol. 15. P. 415—435.

ГЛАВА 4. ФАКТ, СВИДЕТЕЛЬСТВО И ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ: ЯЗЫК ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

4.1. Постановка проблемы

Одной из центральных задач адвоката в суде присяжных является постоянное разграничение трех типов высказываний:

— того, что непосредственно установлено;

— того, что кто-либо сообщает;

— того, что из этого предполагается.

В обычной речи эти уровни легко смешиваются.

Например:

«Подсудимый находился рядом с местом происшествия, поэтому он знал, что должно произойти».

Первое предложение может быть фактическим утверждением.

Второе уже является выводом.

Если адвокат или обвинитель произносит их как единый блок, слушателю может быть трудно заметить логический переход.

Поэтому в настоящей работе вводится понятие **эпистемической маркировки**.

4.2. Гипотезы

Гипотеза 1

Явная маркировка источника информации облегчает различение факта, свидетельского сообщения и вывода.

Гипотеза 2

Отсутствие такой маркировки повышает риск того, что интерпретация будет воспринята как установленный факт.

Гипотеза 3

При обсуждении свидетельских показаний адвокат должен анализировать не только содержание ответа, но и источник знания свидетеля.

Гипотеза 4

Разделение «что свидетель видел» и «что свидетель считает» повышает аналитическую прозрачность судебной речи.

4.3. Source monitoring

Теория source monitoring была систематизирована Johnson, Hashtroudi и Lindsay.

Она рассматривает память не только как сохранение информации, но и как процесс определения ее источника: была ли информация воспринята непосредственно, услышана от другого человека, выведена путем рассуждения или возникла иным образом. Такие решения могут быть ошибочными.

[1]

Для суда это имеет фундаментальное значение.

Свидетель может помнить содержание, но ошибаться в источнике информации.

Например:

«Я точно знаю, что он был там».

Следующий вопрос:

«Что именно вы видели сами?»

может выявить, что часть уверенности возникла уже после обсуждения события с другими людьми.

4.4. Память и постсобытийная информация

Классические эксперименты Loftus, Miller и Burns включали 1 242 участника в пяти экспериментах и пилотном исследовании. Участники наблюдали последовательность изображений автомобильной аварии, после чего получали различную информацию о событии. Введение вводящей в заблуждение информации снижало точность последующего воспроизведения. [2]

Позднейший обзор Loftus показал устойчивость эффекта постсобытийной дезинформации в десятилетиях исследований. [3]

Для судебной речи это означает:

позднейшая формулировка события способна влиять на последующее воспоминание о нем.

Это не означает, что каждый свидетель, получивший до-

полнительную информацию, обязательно сформирует ложное воспоминание.

Эффект зависит от множества факторов.

Но сам механизм имеет непосредственное значение для оценки свидетельских показаний.

4.5. Эпистемические уровни

Предлагается следующая четырехуровневая модель.

Уровень 1. Восприятие

«Я видел автомобиль».

Уровень 2. Память

«Я помню, что автомобиль был черным».

Уровень 3. Интерпретация

«Я решил, что автомобиль принадлежал подсудимому».

Уровень 4. Вывод

«Следовательно, подсудимый должен был находиться рядом».

Это четыре разные когнитивные операции.

Адвокат должен по возможности не объединять их.

4.6. Значение глаголов

Эпистемический статус может маркироваться глаголами:

видел; слышал; измерил; записал; прочитал; сообщил; предполагает; считает; полагает; делает вывод.

Сравним:

«Свидетель установил, что подсудимый был виновен».

и:

«Свидетель сообщил, что считает подсудимого виновным».

Первая конструкция создает ложный образ объективного установления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.